Посвящается Холли и Матильде

В том, что касается изложения собственной истории, мужчины всегда имели перед нами все преимущества… перо было в их руках.

Джейн Остин. Доводы рассудка

СЕМЬИ

ОСТИНЫ

Преподобный Джордж Остин, викарий Стивентона, и его жена, **миссис (Кассандра) Остин**: у супругов было восемь детей, один из которых, названный Джорджем в честь отца, из-за умственного расстройства жил вдали от семьи.

Остальные:

Джеймс сменил отца на посту викария Стивентона. После смерти своей первой жены женился на **Мэри Ллойд**. У него было трое детей: **Анна**, Джеймс-Эдвард и **Кэролайн**.

Эдвард, усыновленный богатыми родственниками, стал землевладельцем. Женился на **Элизабет**, у супругов родилось одиннадцать детей. Старшая дочь, **Фанни**, была любимицей его сестер Кассандры и Джейн.

Генри сначала служил в армии, затем стал банкиром и, наконец, священником. Самый умный и самый светский

из братьев, он помог Джейн найти издателя и выступил в качестве ее агента.

Кассандра была помолвлена с Томом Фаулом; позже стала распорядительницей литературного наследия сестры.

Фрэнсис (Фрэнк) поступил во флот, дослужился до должности адмирала и в конечном итоге был посвящен в рыцари. После смерти первой жены, оставившей ему одиннадцать детей, женился на **Марте Ллойд**.

Джейн написала шесть завершенных романов, два из которых были опубликованы посмертно. Скончалась в июле 1817 года.

Чарльз также был моряком.

ФАУЛЫ

Преподобный Томас Фаул, викарий Кинтбери, и его жена **Миссис (Джейн) Фаул** имели четырех сыновей.

Фулвар Крейвен стал преемником своего отца на посту викария Кинтбери и женился на **Элизе Ллойд**. У них было три сына и три дочери: Мэри-Джейн, **Элизабет** и **Изабелла**.

Том был помолвлен с Кассандрой.

Уильям стал военным врачом, а **Чарльз** — юристом. Оба умерли молодыми.

ЛЛОЙДЫ

Элиза была женой Фулвара Крейвена Фаула.

Марта стала близкой подругой Кассандры и Джейн Остин. В зрелом возрасте вышла замуж за Фрэнка Остина, вдовца.

Мэри вышла замуж за Джеймса Остина.

— Давай пройдемся по этой дорожке.

Он прикрыл за ней садовую калитку и указал на Вязовую тропу. Она поплотнее закуталась в шаль и глубоко вдохнула свежий воздух, напоенный ароматом вешней зелени. Шел 1795 год. Прекрасный день, казалось, полагал, что он-то и есть первый весенний. Высоко в кроне дуба распевали птицы, ликующе славя обновление мира; липко поблескивала молодая листва.

Вместе они поднялись по склону за домом священника, миновали пролом в живой изгороди, и там — подальше от зорких глаз ее семейства — он остановился и взял ее за руку.

— Любовь моя, — начал Том.

Кэсси улыбнулась: наконец-то. Она заждалась этой минуты.

— О… — Он умолк, внезапно смутившись. — Думаю, ты знаешь, что я собираюсь сказать.

— Правда? — Кэсси взглянула на него ободряюще. — Однако я всем сердцем желала бы услышать эти слова от тебя, о чем бы они ни были. Прошу, продолжай.

И он заговорил. Речь эта не отличалась гладкостью, а ведь у него было достаточно времени, чтобы приготовить и отшлифовать ее. Местами объяснение в любви вышло с запинками — он любил ее с тех самых пор… даже не помнит, с каких… она единственная, кого он видел своей… гм… суженой — и тому подобное, но она все равно была тронута. Совсем в его духе, он ведь такой милый, — получилось одновременно и волшебно, и обыденно, как и надлежит таким минутам. Когда показалось, что он уже утрачивает власть над словами, даже неловкими и неподходящими, она пощадила его. Они поцеловались, и ее с головы до ног захлестнула волна — чего же именно? — да: удовлетворения. Сбывалась ее судьба. Ее жизнь устраивалась так, как надо.

Они немного прошлись рука об руку и обговорили условия помолвки. В сущности, волновало обоих лишь одно: что помолвка выйдет долгой. И эти ужасные «двести пятьдесят фунтов» и «в год», которые непременно требовалось упомянуть, — что за докука для молодых! Но не упомянуть их было никак нельзя. Он попросил ее проявить терпение; она пообещала, даже не задумываясь. Кэсси было всего двадцать два; в распоряжении четы будут еще годы и годы. А терпением Кэсси славилась наряду с прочими многочисленными достоинствами. Пара повернула домой, спеша поделиться радостной новостью с родными.

Новость эта была встречена со всеми бурными восторгами, каких только могли пожелать влюбленные, но без малейших потуг изобразить удивление. Ведь эта помолвка — между мисс Кассандрой Остин из Стивентона и молодым преподобным Томом Фаулом из Кинтбери — в местном обществе считалась свершившимся фактом задолго до того,

как молодая чета дала друг другу слово наедине. Ведь они — безупречная пара, из тех, чей брак всем в радость. А потому иного будущего у них и быть не могло — лишь сей счастливый исход.

Небеса предрешили для них эту благодатную участь еще много лет назад.

ГЛАВА 1

Кинтбери, март 1840 года

— Мисс Остин, — раздался голос откуда-то сзади. — Прошу меня простить. Я не знала, что вы здесь.

Кассандра обернулась. Улыбнуться она еще смогла, однако не шелохнулась и так стояла на пороге дома викария. О, как бы ей хотелось выразить свои чувства — и она даже ощутила где-то в глубине души знакомые потаенные всплески былой экспансивности, — но сейчас просто-напросто слишком устала. Ее старые косточки растрясло после утомительного путешествия дилижансом из Чотона, где она жила, а стылый речной ветер пронизывал насквозь. Она стояла рядом со своим багажом и ждала, пока Изабелла подойдет ближе.

— Мне пришлось наведаться в ризницу, — на ходу объяснила Изабелла, шагая от церковного кладбища. Она и так всегда была незаметной и бесцветной, а теперь на ней, бедняжке, разумеется, было траурное платье, которое сидело скверно и ничуть не украшало ее щуплую фигуру. — Остаются еще кое-какие дела… — На фоне зеленого склона,

усеянного примулами, она скользила как тень. — Еще столько всего переделать…

Если что-то и приковывало взор к Изабелле, то разве только гончий пес рядом. И хотя голос Изабеллы звучал донельзя виновато, но сама она шла на диво неторопливо. Даже Пирам, который вместе с хозяйкой перешел с травы на дорожку, посыпанную гравием, двигался будто неохотно, волоча лапы.

Кассандра подозревала, что ее появлению не рады, и, если это вправду было так, могла винить лишь себя саму. Одинокой женщине не пристало заживаться на этом свете, когда от нее уже нет никакой пользы. Это просто невоспитанно. Она приехала без приглашения, у Изабеллы сейчас свои заботы: положение неловкое, но вполне понятное. Хотя пес, пожалуй, мог бы и выказать радость появлению гостьи.

— Дорогая моя, вы так добры, что позволили мне приехать.

Она обняла Изабеллу — та держалась как воплощенная хладнокровная вежливость — и обласкала Пирама, хотя откровенно предпочитала кошек.

— Но неужели вас никто не встретил? Разве вы не позвонили в дверь?

Разумеется, Кассандра позвонила в дверь. Она прибыла почтовым дилижансом, и шума и суматохи было более чем довольно, чтобы ее прибытие не осталось незамеченным. Кучер дернул дверной колокольчик раз, и еще раз. Людей вокруг она успела увидеть предостаточно: мимо непрерывным потоком катились телеги, и на них ехали с полевых работ батраки, прошла стайка мальчишек, промокших до колен, с головастиком в ведре. Кассандре нестерпимо

хотелось заговорить с ними — она обожала головастиков и еще больше обожала ребятишек, охваченных невинной страстью к живности, — но мальчуганы словно бы не заметили ее. А в доме на звонок так никто и не откликался, хотя эта строптивая служанка — как бишь ее? Память Кассандры, всегда поразительно крепкая, теперь начала изнашиваться, пусть лишь по краям, — служанка наверняка отлично знала, что Кассандра стоит за дверью.

— Я приехала некстати. Ах, Изабелла! — Кассандра взяла ее руки в свои, заглянула в бледное личико. — Скажите, как вы?

— Нелегко пришлось, Кассандра. — Глаза Изабеллы покраснели. — Тяжело пришлось. — Она с трудом овладела собой. — Однако скажите, как вам теперь нравятся старые места? Вы уже успели осмотреться?

— Здесь все в точности как прежде. Милый, милый Кинтбери…

Дом приходского священника целых сорок пять лет играл в жизни Кассандры важную роль — хорошо знакомый, пусть временами печальный, но неизменно любимый. Белое строение в три этажа приветливо смотрело на восток, в сторону древней деревушки; по одну его сторону сад спускался к реке Кеннет, а по другую поднимался к приземистой норманнской церкви. Дом этот воплощал все, что было дорого Кассандре: семью и труд, честную, простую, добропорядочную жизнь. Этот прекрасный образчик английского домостроения Кассандра ценила неизмеримо выше, чем строения куда более величественные — даже Годмершем, Стоунли и даже Пемберли, — и ей от всей души хотелось очутиться внутри, в кресле, у огня, в тепле. — Так мы?..

— Разумеется. Но где же все? Позвольте, я возьму. — Изабелла потянулась было к маленькому черному саквояжу в руке Кассандры.

— Благодарю, на это у меня сил достанет. — Кассандра прижала саквояж к себе. — Но мой дорожный сундук…

— Сундук? О-о-о… — Бледное лицо Изабеллы ничего не выразило, но ярко-голубые умные глаза проницательно сверкнули. — Уверена, это моя вина — так много было разных дел. — Она приподняла бровь. — А письмо от вас пришло лишь вчера… разве не странно?

Вовсе не странно и даже, по чести сказать, совершенно преднамеренно. Раньше Кассандра никогда не позволяла себе такой невежливости, как явиться без надлежащего уведомления, но на сей раз у нее попросту не оставалось выбора. Поэтому на вопрос она ответила лишь слабой улыбкой.

Не дождавшись объяснений, Изабелла продолжала:

— Я не вполне поняла, надолго ли вы прибыли. Вы намерены погостить у нас подольше?

Теперь Кассандре было совершенно очевидно, что Изабелла недовольна ее прибытием. Возможно, она вовсе не такая уж покорная и тихая и под этой обманчивой мягкой оболочкой таится характер посильнее, чем казалось. Кассандра намерена была пробыть здесь столько, сколько ей понадобится. И твердо решила не уезжать, пока не выполнит намеченного дела. Она пробормотала нечто неопределенное — что, возможно, затем отправится навестить племянника, — изображая несвойственную ей нерешительность, вызванную преклонными летами.

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru